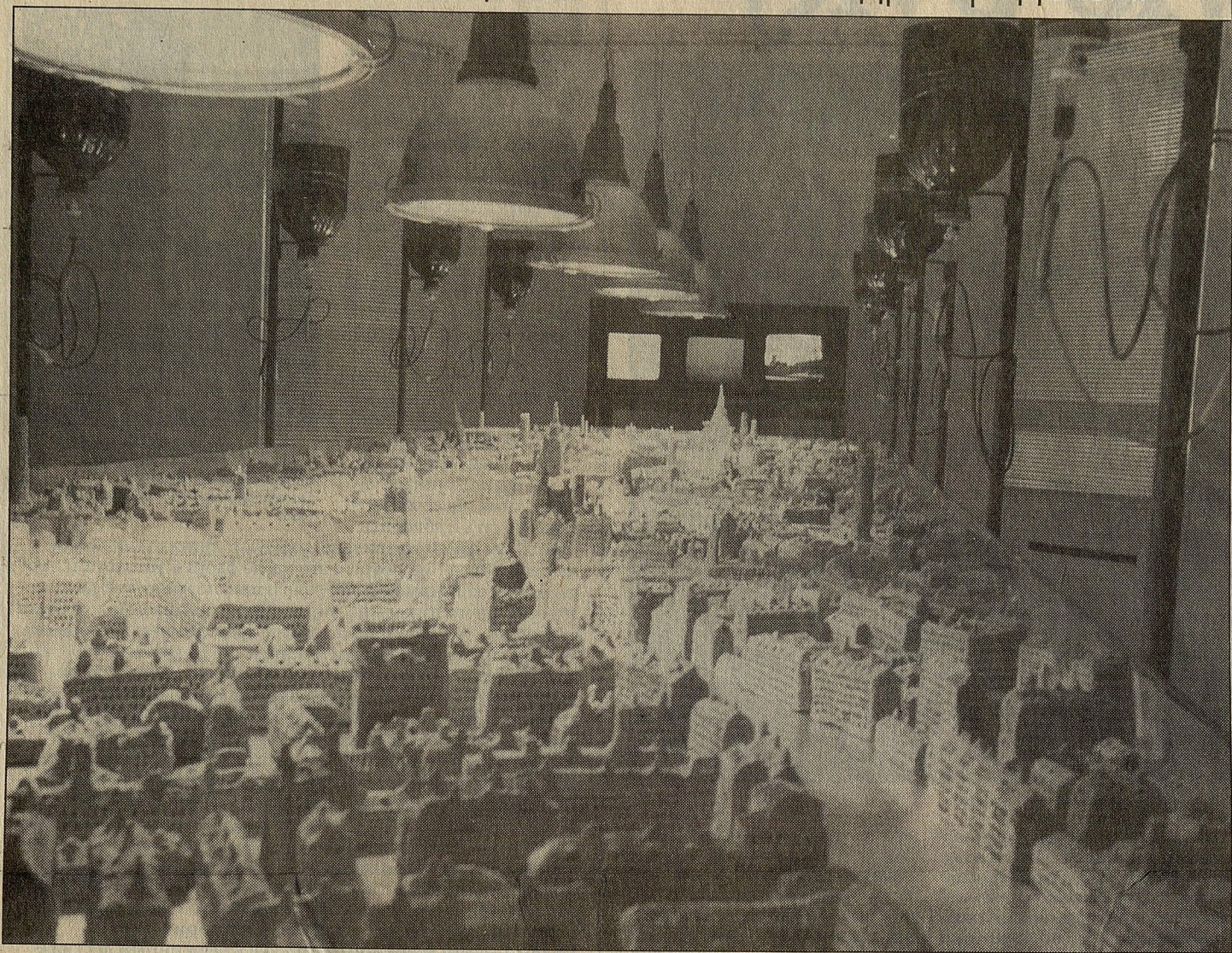

Черная грязь

Коммерсант 8-го экз. — 22 марта, с. 13

В Москве прошел фестиваль Александра Бродского

Скоро город Александра Бродского перестанет существовать. Его зальет машинное масло

Александр Бродский отпраздновал свое возвращение на родину своеобразным персональным фестивалем. Он одновременно открыл две выставки в разных художественных галереях. Одна — «Кома города» — в галерее Марата Гельмана, вторая — «Записки путешественника» — в клубе «ОГИ».

Трудно назвать другого архитектора, способного организовать в Москве столь масштабную акцию художественной миграции — несколько сотен архитекторов, художников и критиков провели вечер в движении с Полянки на Чистые пруды. Для полноты перформанса Бродскому следовало построить их в колонну и организованно провести народ от Гельмана в «ОГИ» — присутствие среди его поклонников рок-певца Андрея Макаревича придало бы шествию законченные фестивальные черты. Тем более, что улица больше подходила для этой толпы — в крошечных залах радикальных галерей люди толкались, как в советском трамвае в час пик, только более восторженно.

Творчество Бродского, правда, немного диссонировало с парадно-фестивальным духом происходящего. Обе выставки более чем меланхоличны. Но настроению праздника это ничуть не помешало. Бродского так любят, что готовы радостно разделить с ним любую меланхолию.

У Гельмана Бродский выставил огромный стол, на котором вылепил город. Чуть наивно, из глины — город кажется детским. Будто это сделал пятилетний мальчишка, восторженно лепящий все новые и новые домики, ни на минуту не сомневаясь, что, во-первых, это город — его, а во-вторых, что он — хороший. Воплощенная мечта архитектора, по-детски верящего в позитивную триумфальность своего творчества и гордящегося им. Над этим городом висят восемь больших пластмассовых бутылей с капельницами. В бутылках — машинное масло. Эта жирная чер-

ная дрянь медленно сочится из капельниц и заливает белый глиняный город. К концу выставки, а продлится она месяц, она должна залить его целиком.

Для архитектора нет сюжета соблазнительней, чем макет. Это — его традиция, его власть, его профессия. От макетов ренессансных палаццо до больших градостроительных макетов, кои подавались в советское время главным архитекторам, большим советам, вождям. Вылепленный город — это архитектура как рукоделье, традиция понимания ее как скульптурного тела. Все это заливает грязь индустриальной эпохи, где архитектура — уже не скульптура, но машина для жилья, требующая постоянного пополнения машинным маслом. Архитектор был скульптором, стал механиком.

Стол с капельницами отдает операционной. Вот он, город, лежащий на хирургическом столе, сейчас начнем резать. Тогда это — проект не про засорение среды обитания, а про, так сказать, «замыслы неистовых хирургов». То есть — про страстное утопическое проектирование, которое является содержанием истории архитектуры Москвы XX века. Смыслом этой утопии и было превращение города в образцовый коммунистический механизм.

Но разглядывая медленно сочащуюся из капельниц жижу, вдруг понимаешь, что само ощущение кошмара, которое производит эта инсталляция, рождается из контраста белого беззащитного тела города и черных нависших бутылей. Когда одно прольется в другое, все это совсем не будет выглядеть кошмаром. Замысел Бродского родился из одного объекта, который он выставлял на выставке 1997 года в Музее архитектуры, — ренессансного палаццо, стоящего в поддоне с таким же черным маслом. Это было пронзительно красиво — белый фасад, отражающийся в темном зеркале «воды». Когда город тонет, он любит себя. Ты начинаешь любить город не за то, как он красиво

выстроен, а за то, как красиво умирают Венеция, Амстердам, Петербург.

Только вместо воды отработанное черное масло — жидкость индустриальной эпохи. Бродский словно пытается найти в этой эпохе органику и красоту естественного процесса. Неважно, какая вода, — важно, что отражение красиво. Про тот же поиск традиционных эстетических ценностей в мире, всякой традиции лишенном, — выставка «Записки путешественника» в «ОГИ». Бродский положил там бумажки из мастерской — старые газеты, справки, протокол о юношеском приводе в милицию, — хлам. На хламе — его зарисовки. Бессмысленные свидетельства бессмысленного течения жизни. При этом рисунки на старых газетах смотрятся как старинные рисунки с их фактурной бумагой и «мушиным засидом». Гравюры индустриального времени.

«Продукт художника — мусор из его мастерской», — это даже не классика, а азбука авангарда. Город тонет в нефти — это политкорректный американский проект, метафора социальной ответственности художника, удачно сочетающая радикальную мизантропию и прогрессизм модерниста. Внешне Бродский идеально соответствует рецептам левой авангардной тусовки, и его недаром ценят и любят в Америке. Но уникальность его таланта — в инверсии ценностей широких авангардных масс. Пафос этих ценностей — презумпция того, что сложившееся состояние мира глубоко отвратительно. Что в принципе правильно: мир, чего уж говорить, так себе. Кругом мусор и жирное машинное масло. Бродский, однако же, ухитряется, удерживая всю эту отвратительность и зримо ее предъявляя, вдруг обнаружить в ней красоту, которая позволяет с ней мириться. Красоту почти музейную, когда протокол привода в милицию оборачивается ренессансной гравюрой.

ГРИГОРИЙ РЕВЗИН

Выставка открыта до 19 апреля.